

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

НИКОМУ
НЕ НУЖНА.
СВОБОДНА

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
ПЗ1

На обложке использована репродукция картины
Александры Шадриной

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Издание осуществлено при содействии литературного агентства
Banke, Goumen & Smirnova

Петрушевская, Людмила Стефановна.

ПЗ1 Никому не нужна. Свободна : сборник / Людмила Петрушевская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Людмила Петрушевская. И нет преткновения чуду).

ISBN 978-5-04-089250-1

Перед читателем разворачивается история девочки, которая принимает жизнь как она есть, без вопросов и обид. К этому приучили ее обстоятельства детства – нет родителей (хотя она не сирота), голод и нищета и то, что ей приходится в одиночку защищаться в мире детей, а этот мир столь же беспощаден, как и мир взрослых. Однако то, что ребенок никому не нужен, дает ему, как ни странно, право на самостоятельность. На свободу жить в бедности. Иногда на гибель. Но всегда на полную независимость, даже от властей. Надеемся, что читатель знает, как сложилась в дальнейшем жизнь этой девочки – в будущем прозаика, драматурга, поэта, художника, композитора и певицы, лауреата многих премий, известной в мире писательницы Людмилы Стефановны Петрушевской.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-089250-1

© Петрушевская Л., текст, 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА
ИЗ «МЕТРОПОЛЯ»

Начало

Когда я думаю о человеческом роде, то представляю его себе не в виде генеалогического древа с ветками. Род выглядит как лес, он просматривается далеко — и в виде цепочки людей-деревьев, которые держатся за руки. Почему-то так. Там, в тумане времен и веков, стоят они, предыдущие поколения, многорукие деревья, и каждый предок соединен ветвями с одной своей стороны с родителями, а с другой стороны с детьми. И каждый и отец и одновременно сын, и сам по себе единственный в мире. И каждая из них — дитя своей матери и мать своей дочери или сына и в то же время отдельное, не похожее ни на кого создание. И каждый един в трех лицах — дитя, родитель и личность.

Пока тот, в центре, силен, он поддерживает обе стороны, и тех, кто стоит перед ним, и тех, кто встал потом. И этот центр перемещается со столетиями. Человек слабеет, его сила переходит к следующему поколению. Его ум, его знания

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ИЗ «МЕТРОПОЛЯ»

уходят с ним, их не передашь, а качества могут перейти к потомкам — упорство, даже зверское упрямство во вред себе; сила духа; убеждение, что еда должна быть спартанской, а вода для обливания холодной; обжорство в праздники; несогласие с властями; верность своей позиции во вред себе и ближним; сентиментальность, любовь к музыке и поэзии и вздорность по пустякам; свирепая честность и полная невозможность прийти куда-нибудь вовремя; чистота помыслов, стремление всем помочь и ненависть к соседям; любовь к тишине и громкость повседневного крика; умение жить без денег и безумные траты на подарки; полный тарарам в доме и жесткие требования к домашним убирать за собой — и безграничная любовь к малышам, особенно когда они спят во всей своей красе.

Моя прабабушка Ася умерла от сепсиса в тридцать семь лет, оставив шестерых детей. Ее муж, мой прадед Илья Сергеевич, врач, пошел к реке. Он считал себя виновным в смерти жены. Пятеро побежали за ним, догнали на берегу и повисли на отце, остановили. Маленькую несла старшая, Вера. Когда маму Асю хоронили, дочь Валечка восьми лет шла за отцом как тень, ступая в его следы и бормоча про себя: «Я всю жизнь буду идти по твоим стопам». Они почти все стали подпольщиками, дед был большевик, борец за права угнетенных. Работал он обычно доктором при фабричном управлении, а к нему стекалась хво-

рая беднота из поселка и деревень. И он вообще никогда не брал денег за лечение. Жил только на жалованье. Принципиально принимал всех угнетенных, а должен был обслуживать только персонал. Поэтому, как правило, его увольняли быстро, и работу он находил преимущественно на эпидемиях, на холере и чуме — туда брали всех врачей, даже ссыльных.

Я, как только начала говорить, назвала его Дедя.

Вегера

Я родилась в гостинице «Метрополь», это был второй Дом Советов, гостиничные номера там занимали старые большевики, в том числе мой прадед, Дедя, Илья Сергеевич Вегер, член РСДРП с 1898 года. Там же жила, после развода с мужем, Н.Ф. Яковлевым, дочь И.С. Вегера, моя бабушка, Яковлева Валентина Ильинична, член партии с 1912 года, с дочерьми Верой Николаевной и Валентиной Николаевной, моей будущей мамой. Все три, как полагается в сказках, были удивительные красавицы. За бабушкой ВалеЙ бегал юный Маяковский, но она предпочла студента Колю Яковлева. Их дочь Вава (Вера) выросла и стала самой красивой девушкой (белозубая улыбка, косы, синие глаза) Бронетанковой академии, а моя мама с четырнадцати лет, будучи очень высокой девочкой, выходя на

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ИЗ «МЕТРОПОЛЯ»

улицу, подвергалась постоянным провожаниям кавалеров, в особенности солдат, причем она им простодушно отвечала на вопросы как зовут и где живешь, но не говорила сколько лет, и это огорчало ее мать и сестру. В семье мою маму звали Люлей, она была младшей, и ее всегда считали ребенком. Хотя она упорно училась и прочитала горы книг и в школе, и на своем литературном факультете. На ее письменном столе стояли пирамиды томов (по одному только Средневековью было три огромные хрестоматии). Она настолько серьезно занималась литературой, что воспринимала обычное чтение как профанацию. Про племянницу третьей жены своего деда (Деди), которая в самую голодуху частенько приходила в «Метрополь» к Деду за книгами, Люля говорила: «Ну конечно, тургеневская девушка на скамейке у пруда с романом в руках». На самом деле племянница оставалась ужинать.

Литература для молоденькой Люли была объектом изучения! Втайне же она любила раннего Горького.

Но так вышло, что Люля, наивная, серьезная и совершенно невинная девушка, забеременела в день своего рождения, 23 августа 1937 года, на даче в Серебряном Бору.

Я в детстве слышала своими ушами, что она сказала нашей пузатой, на восьмом месяце, дворничихе Гране, которая пожаловалась, что долго не

могла забеременеть. Мы стояли в воротах, и мама засмеялась, показывая на меня: «А я вот с первого раза...»

В то лето они жили в Серебряном Бору.

Это была государственная дача старшего бабушкиного брата, Владимира Ильича Вегера, старого большевика, руководителя партийной ячейки РСДРП на Красной Пресне и одного из организаторов знаменитого краснопресненского восстания с баррикадами 1905 года. Его партийная кличка была Поволжец.

(Многие проезжают между станциями метро «Баррикадная» и «Улица 1905 года». И никто не знает, что все это дела моего двоюродного деда Владимира Ильича, все названия, эти вывороченные камни мостовой и баррикады, все эти будущие скульптуры типа «Булыжник — орудие пролетариата». До сих пор московский транспорт тарахтит по специально оставленному историческому булыжнику между площадью Восстания и метро «Баррикадная».)

Поволжец, кстати, принял в партию пятнадцатилетнего подростка Маяковского, после чего тот загремел в Бутырскую тюрьму и впоследствии из партии вышел.

Маяковский ходил в дом к Владимиру Ильичу — Поволжцу и там познакомился с его младшими сестрами Верой и Валею Вегер. В Валечку он влюбился немедленно.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ИЗ «МЕТРОПОЛЯ»

Бытовала наша семейная легенда, что Маяковский с Бурлюком из этого дома вышли в блузах, Маяковский в знаменитой желтой, Бурлюк в лиловой. Мама мне рассказывала, что блузы мальчики взяли у сестер — но девушки были маленькие, а Маяковский огромный. Сомневаюсь. Может быть, ребята просто для смеха их примерили? Правда и то, что блузы тогда курсистки носили пышные, со сборками.

Моя мама также говорила, что в тридцатом году она и ее мать ехали в трамвае и столкнулись там с Маяковским. Бабушка сказала Маяковскому: «Это моя дочь». Вид у поэта был какой-то изнуренный, усталый. Шел последний год его жизни.

* * *

В 1937 году Владимир Ильич Вегер-Поволжец выстроил себе загородный дом на сорок втором километре по Казанской дороге в кооперативе научных работников, а государственную дачу в Серебряном Бору на лето отдал сестре Валентине (моей будущей бабушке) и ее дочкам.

Весной этого проклятого года произошли страшные события. В мае был арестован и подвергся допросам бабушкин брат Женя Вегер, член Политбюро Украины и секретарь Одесского обкома партии, была арестована и шла к расстрелу его сестра Леночка Вегер (она долгие годы руководила секретариатом у Калинина). Был аресто-

ван и казнен муж Аси, бабушкиной сестры, а саму Асю увели почти год спустя, она много лет провела в ГУЛАГе. Расстрельный приговор тогда мягко называли «десять лет без права переписки».

Остальным приходилось ждать внезапных гостей. Это была пытка.

Каждую ночь бабушка вроде бы улавливала шум: как будто машина останавливается где-то вдали, открывается калитка и очень явственно слышатся шаги по гравии...

В те годы именно ночью приходили за людьми, опечатывали квартиры, и больше никто и никогда не видел этих людей.

Каждую ночь кто-то явственно шел от их калитки к дому. Скрипел гравий. Но в дом не заходили. Надо было ждать. Спать стало невозможно. Выйти посмотреть она боялась.

Она пошла к психиатру. Он сказал ей: «Оставьте у нас, здесь вы будете в безопасности». Она осталась. Видимо, это ее и спасло. Ее так и не арестовали.

Моя бабушка была исключительно умная и прозорливая женщина. Она знала, что забирают всех — кроме психов со справкой. Молодая жена Жени Вегера, Соланж Корпачевская, пианистка и красавица, наполовину француженка, после ареста мужа была также схвачена — но в камере от ночных допросов она сошла с ума, и ее освободили. Когда Дедя к ней пришел, она непрерывно рыдала, сидела на кровати седая в свои молодые

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ИЗ «МЕТРОПОЛЯ»

годы, черная, истощенная, и бессвязно кричала. Дед был врач. Но он не остался у ее изголовья, а развернулся и без слов ушел. Не знаю почему. Может быть, он сам внутри себя так же хотел кричать все это время, но сдерживался. А она, безумная, была свободна в своих воплях. Женя был его надеждой, его гордостью (со старшим, Володей, он не общался со времен революции), Леночка — младшей любимейшей дочерью. Возможно, что человеческих сил вынести этот крик не было.

Дальнейшая судьба невестки была ужасной: мать Соланж забрала ее и ее маленького сына, увезла на Украину. Началась война, пришли немцы. Соланж с сыном и матерью вместе с колонной евреев из гетто были заживо закопаны в землю.

Но это произошло позже.

В описываемое время, летом 1937 года, Соланж еще, видимо, сидела. От Леночки, Жени и мужа Аси не поступало никаких сведений (та самая формулировка, «без права переписки»). Женю и Леночку арестовали 23 и 24 мая 1937 года. Леночку расстреляли 3 сентября. Женю 21 ноября.

Мне недавно сказали, что тех, кто держался дольше, не признавался в шпионаже, не подписывал бумаг, мучили больше и казнили позже.

А моя будущая семья в это страшное лето скрылась в Серебряном Бору. Иногда люди просто уезжали из своего дома, и посланные из НКВД их не находили.

Моя мама рассказывала, что Стефан (мой предстоящий отец, тоже, как и она, студент ИФЛИ, но не литфака, а философского факультета) приезжал к ней в то лето на дачу в Серебряный Бор... Она не уточняла, в какое время это происходило и где они виделись. Судя по всему, вечером и не в доме.

Позже я узнала, что мой отец был родом из Николаевской губернии, село Верхние Рогачики, и в его большой семье (это мне сказали уже другие люди) многие страдали туберкулезом. Он приехал в Москву больной, без ничего, как Ломоносов, поступил на рабфак на правах сельского бедняка с выдающимися способностями, а затем в ИФЛИ. Своего угла не было. К врачам он, скорее всего, не обращался. Может быть, боялся, что положат в больницу, придется потерять год. Жил и жил, покашливал. Он был высокий, кудрявый, симпатичный. Моя мама, усердная студентка литературного факультета, была красивая, сдержанная, серьезная, в жизни не понимала ровно ничего и вечно сидела над книгами. Кроме того, семья этой милой особы жила в самом лучшем доме Москвы, в «Метрополе». Мало того, ее мать раньше работала в Кремле, а потом в комитете по науке. А сестра училась в Бронетанковой академии. Поэтому мой будущий отец их, вероятно, сильно боялся.

Так что не исключено, что ночами, таясь от мамы и сестры своей любимой девушки, Стефан, видимо, как тать в ночи, шел от последнего трол-